

Грейс А. Рут

ДУАЛЫ РОЗЕНТАЛЬ

Часть 1

Корда. Все книги

Грейс А. Рут

Дуалы Розенталь

«Автор»

2026

Рут Г.

Дуалы Розенталь / Г. Рут — «Автор», 2026 — (Корда. Все книги)

Королевство Дагарт — страна, что так сильно напоминает Францию, начало 20 века. В оккупированной столице под маской порядка скрывается варварский террор северян. Лукка Розенталь, молодой банкир, был захвачен в 10 метрах от дома и брошен в тюрьму комендатуры. — Петля или это... — сухим тоном сказал офицер в серой военной форме. «Я хочу лишь раз... лишь еще раз увидеть родных, — подумал Розенталь и согласился на второй вариант». Искалечив, коменданты выбросили его на улицу, отдав судьбу в руки Богинь. Свою цену за жизнь Лукка заплатил, а что на счет его брата и невесты? Готов ли его старший брат Симон, министерский криптограф, в поисках дефицитных лекарств, спуститься на теневое «дно» столицы? Как его идеальные схемы разрушатся о законы портовой мафии? Что происходит с юной Ребеккой, когда она отказывается от прежних девичьих грез ради выхаживая Лукки любой ценой? Старый мир выжжен дотла. Спасение рождается из зрелой любви, точного расчета и тихой силы человеческого духа.

© Рут Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Грейс А. Рут

Дуалы Розенталь

Глава 1

В подвальной допросной пахло сыростью, застарелой кровью и дешевым табаком, который курили следователи северян. Лукка сидел на низком деревянном табурете, не в силах выпрямиться. Каждый вдох давался с хрипом — ребра после жестоких побоев в пах и живот ныли непрерывно, а лицо превратилось в сплошной багровый отек. Трое суток в темной камере, лишь с одной порцией воды в день, окончательно выжали из него силы.

Напротив, за добротным дубовым столом, сидел офицер оккупантов. Он выглядел безупречно — чистая серая форма, выбритые щеки и холодный, скучающий взгляд. Перед Луккой лежал плотный лист серой министерской бумаги, исписанный ровным, убористым почерком, и дешевое гусиное перо, испачканное чернилами.

— Правила просты, дворянин, — негромко, с легким северным акцентом произнес офицер. — Ты нарушил комендантский час. Ты признаешь, что вел подрывную деятельность против нового правительства. Наша полиция нашла у тебя недозволенные карикатурные записи. Закон империи однозначен — это виселица. Сегодня на площади как раз освободилось место.

Офицер постучал длинным ногтем по бумаге.

— Но наш командир милосерден. Империи нужны покорные подданные, а не мертвые бунтари. Подпиши. Здесь сказано, что ты полностью признаешь вину и добровольно выбираешь оскотечение ради сохранения жизни. Твоя девушка уже дома. Твой брат жив. Выбор за тобой. Петля или нож.

Лукка смотрел на серый лист. Буквы расплывались перед глазами от головокружения. В его криптографическом уме, привыкшем к логике, билась только одна животная мысль: «Я просто должен выжить. Живой я смогу вернуться. Живой я смогу... отомстить. Ребекка... и Симон... хочу раз еще раз... хотя бы раз, увидеть их».

Дрожащими, испачканными в тюремной грязи пальцами он взял перо. Скрип расщепленного кончика о бумагу показался ему оглушительным. Он вывел свое имя внизу листа. Контракт с дьяволом был скреплен.

Офицер удовлетворенно забрал документ, даже не взглянув на Лукку, и махнул рукой конвоирам:

— Уведите. К доктору его.

Его тащили под руки по бесконечным сырым коридорам подземелья, пока тяжелая кованая дверь не открылась, явив совершенно другой мир. Лукка ожидал увидеть грязную плаху или заваленный костями угол палача, но его привели в абсолютно чистое, белое помещение.

Здесь пахло резкими травами, спиртом и кипятком. Стены были выбелены известью, на полу лежала аккуратная серая плитка, а вдоль стен стояли застекленные шкафы с аккуратно разложенными склянками и инструментами. Оккупанты подошли к этому процессу со всей имперской бюрократической точностью — это была не спонтанная расправа, а отлаженный медицинский конвейер.

Пожилой врач в чистом фартуке из плотной кожи взял у конвоиров серый лист, мельком взглянул на подпись Лукки и равнодушно кивнул:

— Шестой за сегодня. Ведите в операционную. Дайте ему дозу опиума, чтобы не дергался на столе, у меня нет времени ловить его сосуды.

Два рослых северных охранника подхватили Лукку под мышки и толкнули вперед, вглубь лазарета, где за тяжелой дубовой дверью скрывалась операционная.

Когда дверь распахнулась, Лукка увидел его. Посреди комнаты стоял массивный деревянный стол, обтянутый темной, вьевшейся кровью кожей. По бокам стола свисали толстые ремни с железными пряжками. А на приставном столике рядом, в лучах бьющего из высокого окна света, тускло поблескивала сталь. Там лежали хирургические ножи, широкие зажимы, похожие на щипцы для раскаленных углей, и длинные иглы.

В этот секундный миг иллюзия «гуманного выбора» разбилась вдребезги. До Лукки дошел истинный, первобытный ужас того, что сейчас произойдет. Мозг, который только что хладнокровно рассуждал о выживании, отключился, уступив место бешеному инстинкту самосохранения.

— Нет... — выдохнул Лукка, и его бледные губы задрожали. — Нет! Я передумал! Вешайте! Слышите, вешайте меня!

Он резко, со всей силой, которая еще оставалась в его избитом теле, рванулся назад. Ему удалось выкрутить руку из хватки одного из охранников. Лукка развернулся к выходу, тяжело дыша, и сделал два безумных шага к спасительной двери лазарета. Бедро отозвалось резкой болью, но он её не заметил. В его голове горело только одно: Бежать. Спаситься. Пусть убьют стрелой в спину, только не этот стол.

Но силы были слишком равны. Конвоиры-северяне, привыкшие к подобным сценам, среагировали мгновенно.

Второй охранник сделал шаг наперерез и с размаху ударил Лукку тяжелым кованым сапогом под колени. Лукка сдавленно крикнул и рухнул на каменный пол. Тут же сверху на него навалились две стокилограммовые туши. Один из солдат жестко вдавил его лицо в холодную плитку, так что из разбитого носа снова хлынула кровь, а второй заламывал его руки за спину.

— Ишь, приткий какой попался, — пробасил один из солдат, больно перехватывая Лукку за волосы и заставляя поднять голову. — Все вы на допросах герои, а как нож увидите, так в кусты. Назад пути нет, парень. Документ подписан.

Лукка хрипел, вырывался, царапал ногтями швы между плитками, но его просто перестали воспринимать как человека. Охранники подхватили его волоком — его ноги бессильно чертили по полу сапогами — и буквально швырнули на кожаный операционный стол.

Прежде чем он успел набрать в легкие воздуха для нового крика, железные пряжки ремней с сухим шелканьем затянулись на его запястьях, лодыжках и груди, намертво пригвоздив его к дереву. Врач подошел к столу, держа в руках маленькую глиняную чашечку со сладко пахнущей настойкой мандрагоры и опиума, и грубо перехватил челюсть Лукки пальцами, заставляя открыть рот:

— Пей, парень. Меньше дернешься — чище отрежу.

Лукка захлебнулся горькой жидкостью, глядя в потолок, где медленно кружились серые пылинки, и понимая, что его прошлая жизнь закончилась прямо здесь, на этих грязных кожаных ремнях.

Жидкость обожгла горло приторным, маслянистым вкусом мандрагоры и лауданума. Врач с силой захлопнул челюсть Лукки и зажал ему рот ладонью, заставляя сглотнуть.

— Вот так, — глухо донеслось откуда-то сверху. — Теперь лежи спокойно.

Действие тюремного опиата нахлынуло тяжелой, мутной волной всего через пару минут. Тело Лукки обмякло, налившись свинцовой, чужой тяжестью. Страх и паника, только что разрывавшие его изнутри, вдруг отдалились, словно всё это происходило не с ним, а за толстой стеной из серого войлока. Звуки в операционной стали вязкими и эхоподобными. Он слышал, как один из стражников грубо пошутил, как звякнуло ведро, как врач развязал тесемки его портов и бесцеремонно стянул одежду вниз, обнажая пах.

Лукка смотрел в побеленный потолок. Серые пятна извести складывались в уродливые фигуры, а перед глазами плыли маслянистые цветные круги. Наркотик отключил волю, но, к

несчастьем для Лукки, эта копеечная доза не могла полностью заглушить тактильные ощущения и боль. Она лишь лишила его возможности кричать и двигаться.

Врач подошел ближе. На его лице не было ни капли садизма — только скука ремесленника, выполняющего монотонную норму.

— Держите бедра, — скомандовал он конвоирам.

Две пары тяжелых, мозолистых рук мертвой хваткой прижали колени и таз Лукки к кожаной обивке стола.

Лукка почувствовал неестественную, обжигающую прохладу — ассистент врача обильно плеснул на его пах и лобок крепким, очищенным вином. Спирт попал на свежие ссадины от избиения, и низом живота прокатилась первая волна резкого жжения. Но это была лишь прелюдия.

Врач взял со столика широкий хирургический нож с коротким, полукруглым лезвием.

— Работаем под корень, — буднично пробормотал он себе под нос, примериваясь. — Комендант приказал дворянских щенков не жалеть. Чтобы никакого семени.

Лукка зажмурился, но темнота под веками не спасла его. Он почувствовал первое прикосновение холодной стали к основанию плоти. А в следующий миг мир для него перестал существовать, взорвавшись чистой, первобытной болью.

Врач резал хладнокровно и быстро, глубоким, круговым движением прямо у лобковой кости. Тюремный наркотик не справился с шоком такой силы. Лукку подбросило бы на столе, если бы не кожаные ремни и тяжелые руки стражников. Его грудь выгнулась дугой, сухожилия на шее натянулись до предела, а из горла вырвался не человеческий крик, а утробный, задущенный хрип — челюсти были судорожно сжаты, но долго он так не смог и закричал, но на это абсолютно не обратили внимание.

Он чувствовал, как сталь с сухим, хрустящим звуком перерезает ткани, как лопаются тонкие нервные пучки и крупные паховые артерии. Темная, густая кровь мгновенно хлынула фонтаном, заливая руки врача, бедра Лукки и стекая по кожаным краям стола в подставленное медное ведро. Звук падающих в металл тяжелых струй крови — кап-кап-кап — отозвался в сознании Лукки набатным звоном.

— Вот самое паршивое, когда орут, — усмехнулся один из северян. — Потом в ушах звон, как от колокола, от 10 таких плаксивых дворянчиков.

— Щипцы! Живее! — крикнул врач, теряя былую невозмутимость. Кровь хлестала слишком сильно.

Второй северянин, даже бровью не повел на эту небольшую суматоху врачей, — ну ничего, — похлопал по плечу товарища — еще немного, годик-два, как говорит начальник, — он посмотрел на пах и усмехнулся, — и ничего не останется. Ха! Понял шутку.

Инструменты со звоном ударились друг о друга. Врач скользкими от крови пальцами полез прямо внутрь развороченной, зияющей раны. Лукка ощутил это как шевеление раскаленных углей у себя в тазу. Хирург нащупал пульсирующие концы перерезанных артерий, зажал их железными клеммами и принялся торопливо, грубо перевязывать их толстыми льняными нитями. Один узел, второй, третий. Кровотечение замедлилось, сменившись тяжелым, тягучим подтеканием, но времени на аккуратные швы у тюремных медиков не было. В нижних тюрьмах ждала следующая партия дворян.

— Да понял, понял, надо этого наверх побыстрее, — северянин слегка размялся, даже пару раз присев, — шея затекает и спина болит их постоянно так таскать. — Лукка на его памяти был то ли 32, то ли 38 человеком за все время, и их дерганное поведение перед столом сначала раздражало, а потом стало механическим, но по итогу, после всего, они их выдворяли, а там уж как боги решат.

— Забивай её, — коротко бросил врач ассистенту, вытирая окровавленные руки об подол кожаного фартука.

Лукка лежал, едва дыша, его сердце совершало судорожные, редкие толчки. Ему казалось, что из него вместе с кровью вытекла сама жизнь. Между ног осталась лишь пылающая, пустая воронка.

Ассистент подскочил к столу с лотком, полным серой, грубой ветоши (корпии). Он начал послонно, с силой утрамбовывать эти сухие тряпки прямо внутрь открытой, сочащейся раны Лукки, чтобы они впитывали кровь и давили на сосуды изнутри. Лукка хрипел, его пальцы судорожно скрючились на кожаных ремнях стола.

Затем между ног парня пропустили толстый холщовый бинт, подняли его таз и намертво, до хруста костей затянули Т-образную давящую повязку вокруг талии. Повязка получилась каменной, распирающей. Она намертво зафиксировала бедра Лукки в полусогнутом положении. Никаких трубок оккупанты вставлять не стали — их не волновало, как он будет мочиться и выживет ли вообще завтра. Главное — прямо сейчас он не истекает фонтаном.

Железные пряжки ремней с лязгом растянулись. Лукка попытался остаться лежать — его тело было ватным, голова кружилась от кровопотери и слабой дозы опиума, а в паху разгорался настоящий пожар. Но оккупанты ждать не собирались.

— Давай, вставай. Дело сделано, — прикрикнул один из конвоиров, хватая его за шиворот рубахи и бесцеремонно сдергивая со стола.

Лукка рухнул бы на плитку, если бы солдаты не подхватили его под мышки. Они накинули на его голое, дрожащее тело порты, кое-как завязав их на поясе поверх толстой, выпирающей повязки. Его буквально поволокли по коридорам лазарета, но не вниз, в камеры, а вверх — по крутой каменной лестнице, ведущей к выходу из цитадели.

Каждая ступенька вверх была для Лукки отдельным кругом ада. Солдаты не церемонились: они почти полностью тащили его на себе, а его сапоги с глухим стуком бились о каменные края ступеней. От этих толчков узлы на перевязанных артериях внутри паха натягивались, и сквозь серую ткань повязки и домашних штанов начала стремительно проступать темная, теплая кровь.

Тяжелая дубовая дверь тюрьмы распахнулась, и Лукку ослепил яркий дневной свет. Его вытащили на крыльцо комендатуры, прямо на глазах у редких, испуганных прохожих.

Один из северян с ухмылкой сунул Лукке в карман ту самую серую бумагу с его подписью — официальное свидетельство о том, что он «помилован» и добровольно согласился на процедуру.

— Ну всё, дворянчик. Ты чист перед новым законом. Свободен. Иди домой к своей девке, теперь ты для нее безопасен, — хохотнул солдат.

Они одновременно разжали руки. Лукка, лишившись опоры, покачнулся, сделал два нелепых, утиных шага по ступеням крыльца, не в силах свести бедра из-за огромного комка окровавленной ветоши между ног, и кубарем покатился вниз, на грязную брусчатку площади.

Позади с грохотом закрылись кованые ворота комендатуры. Оккупантам было абсолютно плевать, дойдет ли он до своего дома или сгниет от заражения крови в ближайшей подворотне. Свою задачу они выполнили — они сломали еще одну дворянскую семью. Лукка остался лежать в грязи, судорожно сжимая в кулаке серую бумагу, и именно отсюда, с этой площади, начался его страшный, кровавый путь домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.